

ЭММА ОРЦИ

Алый Первоцвет

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82/89
ББК 84(4Вел)6
О63

EMMA ORCZY
The Scarlet Pimpernel
1905

Перевели с английского М. М. Белоусова, В. Г. Рохмистров

Орци Э.

О63 Алый Первоцвет : [роман] / Эмма Орци ; [пер. с англ. М. Белоусовой, В. Рохмистрова]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 321 с. — (Серия «Разум и чувства»).

ISBN 978-5-517-02194-6

Первый и самый известный роман британской писательницы баронессы Эммы Орци, написанный в 1905 году. Авантурный сюжет развивается на фоне Великой французской революции 1792 года.

УДК 82/89
ББК 84(4Вел)6

© Белоусова М. М., Рохмистров В. Г.,
перевод на русский язык, 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-517-02194-6

АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

Юлии Нейлсон и Фреду Терри,
гениально воплотившим образы
сэра Перси и леди Блейкни на сцене,
посвящаю эту книгу с восторгом

Лондон, 1908

Глава I

ПАРИЖ. СЕНТЯБРЬ 1792

Толпа — бурлящая, орущая, клокочущая, которую трудно даже назвать человеческой, потому что для глаз и ушей она представлялась скопищем дикарей, одержимых лишь низменными страстями: похотью мести и ненавистью. Время — перед заходом солнца. Место — Западная застава; здесь через десять лет будет возведен бессмертный монумент гордому и надменному тирану, прославляющий страну и его собственное тщеславие.

Весь день гильотина продолжала свою безостановочную лихорадочную работу; все то, чем Франция гордилась столетиями: славные имена, голубая кровь, — теперь приносилось в жертву ее желанию свободы и братства. Кровавый нож остановился лишь в этот поздний час, но до закрытия ворот на ночь на заставах было еще достаточно увлекательных зрелищ для толпы.

И толпа хлынула с Гревской площади в разные стороны к заставам, стремясь не упустить эти интереснейшие и захватывающие зрелища.

А они продолжались ежедневно, поскольку эти дворянчики оказались полными идиотами! Они предали свой народ, конечно же, все эти мужчины, женщины и дети, которым выпало счастье стать преемниками лучших людей Франции, создававших ее славу еще со времен Крестовых походов. Старое родовое дворянство, достойные потомки — они также давили и топтали алыми каблуками своих изящных туфель народ, который теперь взял верх и, за отсутствием башмаков, топчет и давит их не алыми каблуками, но оружием более страшным — ножом гильотины.

Этот жуткий, отвратительный инструмент ежедневно и ежечасно требовал все новых и новых жертв — стариков, женщин, подростков — до тех пор, пока не скатились головы короля и молодой красавицы королевы.

Да и могло ли быть иначе, если теперь народ стал правителем Франции, а каждый аристократ был предателем, как и все его предшественники, которые в течение двух столетий заставляли этот народ обливаться потом, трудиться и умирать с голоду ради поддержания двора во всем блеске его изысканной похотливости. И вот теперь наследники тех, кто составлял блеск и славу двора, вынуждены скрываться или совсем покидать родину, чтобы сохранить свою жизнь, чтобы избежать справедливого возмездия.

И они действительно пытались убежать, скрыться, но это лишь добавляло толпе веселья. Ежедневно перед закрытием ворот, когда рыночные повозки начинали стягиваться к заставам, кто-нибудь из дурачков-дворянчиков стремился избежать цепких объятий Комитета общественной безопасности. Во всевозможных нарядах, под различными предложениями они старались проскользнуть через

заставы, тщательно охраняемые национальной гвардией Республики. Мужчины в женских платьях, женщины в монашеских одеяниях, дети, одетые оборванцами, — кого только не было; все они, эти графы, маркизы и даже герцоги, стремились вырваться из Франции, чтобы где-нибудь в Англии или какой угодно другой стране посеять ненависть к торжествующей революции, а может быть, и поднять армию для освобождения узников Темпля, некогда провозгласивших себя монархами Франции.

Но, как правило, они всегда попадались на заставах. Особенно великолепен был нюх на аристократов, как бы они ни маскировались, у сержанта Бибо с Западных ворот. Тут-то и происходила потеха. Он прикидывался, что верит этим бывшим маркизам и графам, верит в то, что они всю жизнь носили лохмотья, играл с ними, как кошка с мышкой, и эта игра затягивалась порой минут на десять — пятнадцать.

О! Бибо был великий юморист! У Западной заставы всегда толпился народ в надежде поглазеть на то, как он вылавливает этих дворянчиков, едва не ускользнувших от заслуженного возмездия.

Иногда Бибо даже выпускал свою жертву за ворота, даруя ей вечность, состоящую из пары минут сладкой надежды на то, что она теперь уже беспрепятственно сможет достичь берегов Англии... Но Бибо не давал несчастной жертве пройти и десять метров — он посылал двух человек, которые приводили ее обратно и сдирали очередной маскарадный костюм.

А уж если попадалась женщина, какая-нибудь гордая маркиза, что случалось не очень часто, вот было веселье. Как смешно она выглядела после всех треволнений, оказавшись вдруг в объятиях Бибо, после которых стреми-

тельный революционный суд отправлял ее прямо в объятия мадам Гильотины.

И совершенно естественно, что в этот прекрасный сентябрьский день алчущая, возбужденная толпа окружала ворота Бибо. Пролитой кровью не утоляют, но лишь распекают жажду, и ничего удивительного не было в том, что толпа, видевшая сто благородных голов скатившимися к подножию гильотины сегодня, жаждала увидеть то же самое и завтра.

Бибо сидел на опрокинутом пустом бочонке недалеко от входа на заставу. Под его началом был небольшой отряд национальной гвардии. Только что пришлось хорошо поработать. Эти проклятые дворянчики, перепуганные до последней степени, все отчаяннее стремились вырваться из Парижа, а все эти мужчины, женщины и дети, чьи предки совсем еще недавно служили проклятым бурбонам, все они были изменниками и отличной пищей для гильотины. И Бибо ежедневно доставлял себе удовольствие, срывая маски с бегущих господ роялистов и отправляя их на суд Комитета общественной безопасности, возглавляемого доблестным патриотом — гражданином Фукье-Тенвилем. Даже Дантон и Робеспьер отметили рвение сержанта Бибо, лично отправившего на гильотину полсотни аристократов.

Сегодня начальники отрядов на всех заставах получили особое распоряжение. Стало известно, что большому числу аристократов все-таки удалось ускользнуть из Франции и благополучно достичь английского берега. Об этом ходили по городу странные слухи, которые, разрастаясь, все больше и больше начинали будоражить народ. Пришлось даже отправить на гильотину сержанта Гроспьера с Северных ворот, упустившего целую семью аристократов.